

В. КАЧОРОВСКИЙ

Р. В. Качоровский

РАЗСКАЗЫ
ПЕРВОЕ ИЗДАНИЕ

ШАНХАЙ

Эта книга может быть приобретена

у автора В. Качоровского по адресу:

Mr. V. Katsorovskij - 508 Sienai lu

(ex. av. du Roi Albert). Shanghai, China

Стоимость 1.50 с пересылкой.

**Обложка художника С. СКАЛКОВСКОГО.
Отпечатано в Тип. «Шанх. Заря»
918, Avenue Joffre, Shanghai, China.**

О Г Л А В Л Е Н І Е

	Стр.
СНОВИДѢНІЯ	1
ПЛЕМЯННИК ДИМА	41
СПИРИТИЧЕСКІЙ СЕАНС	75
СОВРЕМЕННЫЕ АВАНТЮРИСТЫ	121
СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ...	133
ГИМН ЖЕНЩИНЪ	193
ТАКАКО САН	202
ЗАПИСКИ КОТА ВАН-ФУ	234
КОЛЯ В АВСТРАЛІИ	261

Посвящается
княгинѣ
Александрѣ Семеновнѣ
УХТОМСКОЙ.

„СНОВИДѢНІЯ”

Николай Георгіевич Черкасов был выброшен девятым валом русскаго бѣженства на берега Тихаго Океана в Соединенные Штаты, гдѣ он пребывал уже болѣе года на разныхъ амплау, позволявшихъ ему безбѣдно существовать на чужбинѣ со взоромъ устремленнымъ назадъ на оставленную Родину и с непоколебимой увѣренностью туда в недалекомъ будущемъ вернуться. Онъ умышленно принималъ предложенія работы, носившей временный характеръ, будучи увѣреннымъ, что не за горами часъ, когда онъ отряхнетъ прахъ со своихъ ногъ и оставитъ чужую землю, его пріютившую.

Все было ему чуждо в страгѣ янки и, хотя среди его временныхъ и случайныхъ сотоварищей попадались сердечные и милые люди, психологія и образъ жизни ихъ были ему мало понятны и еще менѣе пріемлемы.

Здѣсь, в царствѣ злата, люди были слишкомъ поглощены заботами о пріумноженіи капитала, чтобы предаваться вопросамъ сентиментальнаго характера; они много работали и тѣ короткіе часы, что

оставались им для отдыха, проводились в монотонном однообразии чисто животного характера.

Черкасов не осуждал их за это, зная по собственному опыту, как мало было возможности и желанія послѣ тяжелаго рабочаго дня выходить из дому или заниматься чѣм нибудь серьезным. Он прошел через многіе этапы механизации человѣка и приобретенный им опыт заставил его возненавидѣть как машины, так и их изобрѣтателей.

Совершенно не зная языка, он был вынужден начать борьбу за существованіе с физическаго труда, к которому совсѣм не был подготовлен.

Он поступил в Детройтъ на автомобильный завод «Форда», гдѣ должен был на протяжении своего четырехмѣсячнаго там пребыванія, обтачивать одну и ту же гайку, стоя в ряду таких же людей-автоматов и работая с точностью машины, дабы не задерживать хода всего аппарата, выпускавшаго сотни автомобилей в день. Всякая с его стороны невнимательность или небрежность отражались на общей работѣ и на его репутаціи, а еще больше на жалованьи, уменьшавшемся в обратной пропорціональности к его ошибкам.

Устаивал физически и морально и, боясь совершенно утратить человѣческій облик, бѣжал с завода и поступил на своеобразную службу «джанитера» — ночного уборщика, в один из шестистажных дѣловых домов города Сан-Франциско в Калифорніи. В домѣ помѣщались одиѣ лишь врачевныя конторы и этот «докторскій билдингъ» убирался ночным сторожем, начинавшим службу в десять часов вечера и в шесть часов утра ее заканчивавшим.

Только благодаря связям Черкасову удалось получить место этого «джанитора» и работать, так сказать, в тиши и в обстановке полного покоя и тишины.

На его попечении лежали: шесть корридоров, шесть уборных и сорок восемь контор. В его распоряжении имѣлось восемь часов — время вполне достаточное, чтобы в ночной тиши обдумать свое бѣженское положеніе, вспомнить прошлое, если на то была охота, и строить планы на будущее.

Стояло зимнее время и в конторах было холодно и сыро, так как паровое отопленіе ночью не функционировало.

Черкасов являлся за пол часа до назначеннаго срока и принимал от дневного уборщика метлу и, так называемую русскими бѣженцами «мапу» — швабру, тряпки, совок для сора и мыло в порошѣ.

Не мѣшая брался за работу, начиная с подметанія полов. Собирал папирсные и сигарные окурки и очищал от бумаги мусорныя корзинки. Из шестого этажа спускался в пятый и так доходил до низу, подымаясь вновь наверх с мокрой «мапой», протирая крытые кафельными плитами корридоры и уборныя и линолеумом — кабинеты.

Когда наступало время для смѣны, всѣ члены до того болѣли и ныли, что жизнь утрачивала всякій интерес. Безсонная ночь замѣнялась тревожным дневным сном, когда всѣ вокруг жили полной жизнью, когда свѣтило солнце и повсюду шла нормальная работа. Он долго не мог привыкнуть к своему ночному труду, утомлявшему его до того, что сон бѣжал прочь от переутомленнаго тѣла и

предстоящая вечерняя работа была вдвойнѣ тяжела.

Несмотря на все это, Николай Георгіевич не унывал. Он сумѣл перебороть усталость и физическое недомоганіе.

Невозможность навѣщать вечерами друзей, отказ от каких бы то ни было нормальных развлеченій и зрѣлищ в первые дни угнетали, но тот факт, что его работа невольника проходила никѣм незамѣченной и многим, даже из близких знакомых, неизвѣстная — его подбадривали и окрыляли на новыя лишенія и тягости.

Ему приходили на память пріятели, работавшіе на городской бойнѣ, гдѣ перед ними проходили безконечной вереницей убитыя туши животных, также как и в Детройтѣ у «Форда» — втулки, гайки и балки, которыя они кромсали всѣ долгіе восемь часов работы, занимаясь срѣзаніем: кто почек, кто печенок и других частей туши, утопая по локти в липкой крови и теряя иногда сознаніе и всегда — вкус к мясу.

Другіе служили в так называемых «кафетеріях» и автоматических ресторанах, гдѣ проходили тысячи кліентов во время краткосрочных завтраков в теченіи дѣлового перерыва в конторских занятіях. Там им приходилось перемывать до пяти тысяч тарелок в день, послѣ чего их спины с трудом разгибались.

Было не мало и других отраслей труда еще горше, чѣм его ночная работа труженника: одиночки, и он не считал себя в правѣ жаловаться и роптать. И он дѣлал свое дѣло с упорством фанатика, вѣря в краткосрочность испытаній.

Минувшій день был особенно чреват для него